

УДК 943.085.2

НАЦИОНАЛИСТСКИЕ ИДЕИ В ГЕРМАНИИ В ГОДЫ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ*С. В. Артамошин***NATIONALISTIC IDEAS IN GERMANY IN THE DAYS OF THE WEIMAR REPUBLIC***S. V. Artamoshin*

Статья посвящена анализу развития немецкого национализма в годы Веймарской республики. Осуществляется сопоставление консервативного и национал-социалистического проектов национализма. В работе используются методологические подходы новой интеллектуальной истории. Национализм рассматривается как альтернатива демократической веймарской системе. В статье отмечается наличие в Веймарской республике нескольких националистических дискурсов, что указывает на альтернативность развития правых движений в Германии. Общим элементом правых немецких движений был национализм, антидемократизм, антипарламентаризм, отрицание условий Версальского мирного договора и стремление к его ревизии.

The paper is devoted to analyzing the development of the German nationalism in the days of the Weimar Republic. A comparison of conservative and national-socialist projects of nationalism is carried out. The author uses the methodological approaches of modern intellectual history. Nationalism is considered as an alternative to the democratic Weimar system. The paper notes the existence of several nationalist discourses in the Weimar Republic, which points to alternativeness of the development of the right movements in Germany. The nationalism, anti-democratism, anti-parliamentarism, denial of conditions of the Versailles peace treaty and aspiration to its audit was the general element of the right German movements.

Ключевые слова: национализм, консервативная революция, Веймарская республика, национал-социализм.

Keywords: nationalism, conservative revolution, Weimar Republic, national socialism.

Веймарская республика возникла в условиях поражения Германии в мировой войне. Травма мировой войны существенно перепределила отношение немецких правых к республике и памяти войны. С ней связывалась надежда на изменение, которая, в силу трагического завершения, не получила своего воплощения и поэтому, подобно возвращающемуся императору средневековья, заснула в недрах горы, с тем, чтобы в грядущий час воспрянуть ото сна и завершить начатое в огне мирового конфликта. Веймарская республика принесла Германии не только демократизацию политической системы, массовизацию политической жизни, многоплановость культурных проявлений, но и стремление к политической альтернативе, антидемократической атаке демократического, что делало политическую культуру динамичной и агрессивной. Несмотря на вызов политического проекта левых сил, воплощавшегося в социал-демократической модели синтеза демократии и социализма и коммунистической модели доминирования агрессивной brutality монархической диктатуры, в Германии происходил взлет националистического проекта, как модели преодоления травмы Великой войны и демократической системы.

Германский национализм Веймарской республики был многоликим. В нем проявлялся фёлькишеский дискурс, сочетавший в себе преемственность кайзеровского времени и современности, с его антисемитским атрибутом, усиленным и актуализированным в годы республики, и персонифицированным в лицах

Веймара. В области политической пропаганды использовался образ устрашения, который во многом усиливался обращением к советской политической системе Советской России в качестве наглядного воплощения “господства еврейства”. Уделение внимания исключительно национал-социалистическому движению объясняется его политической победой над демократией. Однако националистический проект модерна не ограничивался только национал-социализмом и имел иные каналы политической трансляции импульса, заданного Великой войной, точнее сказать переживаниями этой войны, которые теплились в душах их участников.

Если германский национализм XIX в. стремился к политической интеграции и оформлению единого германского государства, то национализм Веймарской республики был направлен на трансформацию государственной системы, изменению политического ландшафта с тем, чтобы преодолеть боль и стыд поражения, обновить содержание германского государства, сделав его националистическим. Такой процесс приводил к сочетанию различных идеологических моделей и использованию противоречивых политических союзов. Консерватизм Веймарской республики приобрел националистический характер, и таким образом принципиально отличался от кайзеровского сословного консерватизма, сохранив с ним организационную преемственность, например, в деятельности “Июньского клуба” и “Клуба господ”. Веймарский консерватизм впитал в себя революционность, и по-

этому в историографии его принято называть “консервативной революцией”, термином, который использовал в качестве определения особенностей консервативной мысли того времени ее идеолог и организатор Артур Мёллер ван ден Брук. В своей книге “Третий рейх” он писал, что “в Германии революционные и консервативные идеи проникают друг в друга” [7, с. 230]. Революционная динамика, стремление к изменению не во имя прошлого, а во имя будущего стали отличительной чертой перерожденного консерватизма. Мёллер ван ден Брук, указывая, что “с революционными средствами можно достичь консервативных целей” [7, с. 231]. Консервативный человек склонен к действию. Динамичность изменений выступала модернистским элементом консервативного национализма. Этот элемент должен был послужить отличием старого кайзеровского консерватизма от современного, живущего в условиях технизации жизни и мышления. Мёллер ван ден Брук уподоблял консерватизм “производственному цеху”, в котором создается основа для будущего. Она уходила корнями в традицию, создавая способность к самовосстановлению в условиях кризиса. “Традиции постоянно разбиваются катастрофами, за которые мы ответственны – и революциями, которые мы не можем избежать. Но традиции неизменно вновь становятся сами собой” [7, с. 273 – 274].

Политическая задача консерватизма состояла в преодолении партийной разобщенности немцев и к консолидации нации в рамках германской националистической культуры. Партийность воспринималась “консервативной революцией” как деструктивный элемент политической жизни, приводящий к разобщенности и конфликту. Поэтому интегральная составляющая консерватизма состояла в преодолении конфликта правых и левых, которые до сих пор находятся в “мировоззренческом противостоянии”. Интеграция политических проектов была основной национальной согласия. “Мы не сможем стать народностью, если не объединим их”, – писал Мёллер ван ден Брук [7, с. 257]. Консерватизм живет служением целому в виде народа и государства, и его политические цели нацелены на процветание своего народа и государства [7, с. 260].

Мёллер ван ден Брук указывал на особенность современного консерватизма, заключающуюся в стремлении к решительным действиям. Деятельность и динамика, политическая энергичность служили ярким отличием от консерватизма XIX в. В отличие от националистических объединений Германии начала 20-х годов, которым не откажешь в обладании энергией деятельности и готовностью к совершению решительных поступков, облаченных в “путчистскую тактику”, “консервативная революция” стремилась придать этой энергии конкретную направленность и четкие политические очертания. Она подчеркивала связь между готовностью к деятельности и духовной готовностью к совершению действия. “Консервативная революция” указывала на необходимость первоначального духовного воспитания, которое, будучи соединенным с готовностью к политическим действиям, позволит достичь конечной политической цели. Консерватор, “которому всегда было предписано дей-

ствовать, будет не только готов мужественно действовать, но и также способен духовно” [7, с. 257]. “Консервативная революция” должна пройти между партийно-политическими противоречиями и оказаться по ту сторону политических идей, “искалечивших Германию и Европу”; консервативные призывы обращены “к человеку в немце и к немцу в человеке” [7, с. 298 – 299]. Таким образом, вывод Мёллера ван ден Брука об эволюции консерватизма в Веймарской республике заключается в том, что благодаря революции консервативная идея “заново обрела” свой смысл, повернув консерватизм к нации и соединив в себе консервативный и националистический компонент [7, с. 299].

Политическую борьбу против Веймарской системы Мёллер ван ден Брук определял как “освободительную борьбу”, вызывая в немецкой национальной памяти воспоминания о наполеоновских временах. Обращаясь к немцам, он восклицал: “Ни один немец не может жить, если не живет Германия!” [7, с. 205]. Утверждение Веймарской республики привело к установлению “господства посредственности”. Определение республики как посредственности утвердилось в идеологическом багаже “консервативной революции”. Оно созвучно с определением Веймарской республики Э. Ю. Юнгом, характеризовавшим ее как “господство неполноценных”. Консервативные революционеры желали видеть в государстве выражение национального характера, отражавшего в себе авторитарность власти.

Центральной задачей “консервативной революции” в послевоенной Германии было стремление к преодолению послевоенной ситуации. Националистическая позиция демонстрировала готовность к национальному сплочению на основе понимания важности национальной идеи для будущего развития немецкого народа. Ноябрьская революция, свергнув кайзеровскую систему, создала саму возможность творения нового. Призывы “консервативной революции” к политизации нации были стремлением выработать альтернативу утвердившимся политическим принципам веймарской демократии, консервативно-национальную альтернативу, обладающую деятельным потенциалом. Мёллер ван ден Брук связывал это с консолидацией нации и осознанием важности и приоритета именно национальных задач. Он видел в нации стремление народа стать хозяином своей судьбы, вне зависимости от того, насколько национальные потребности будут сочетаться с политическими ценностями “нового мирового порядка”. Этот процесс включал в себя преодоление раскола, вызванного партийно-политическими столкновениями и политическое объединение, которое произойдет одновременно с политизацией нации. Мёллер ван ден Брук считал, что консервативные интеллектуалы должны возглавить этот процесс. “Мы должны руководить процессом, начатым еще революцией, который должен привести к нашей национализации или мы больше не будем нацией” [7, с. 23 – 24]. Немецкий национализм “хочет воплотить немецкое в грядущем, в переходящем, в революционных событиях предстоящей эпохи” [7, с. 302]. Мёллер ван ден Брук подчеркивал, что “то, что неразрывно связано с нацией является немецким и

обладает ценностью: историей немецких людей. <...> Если погибнет нация, то, как это мы видим у других народов, погибнет и Германия, а с ней все, что когда-либо было сотворено немцами” [7, с. 319].

Модернистский национализм “консервативной революции” воплощался во взаимосвязи с опытом Первой мировой войны, ее переживаниями, брутальностью, насилием, символом. Война превращалась в гештальт, соединявшим идею и деятельность. Проблема выработки националистической идеи в новых условиях Веймарской республики требовала наличия носителей идеи, которыми могли послужить представители военного поколения. Решительность, готовность к поступку, склонность к насилию как к неизбежному опыту войны были характерными чертами их природы. Однако следует сразу оговориться, что данные качества не превращали их в кровавых анархистов, жаждущих лишь насилия и живущими драками уличных столкновений. Гештальт не обязательно воплощался в кровавой битве, но создавал мир, в котором битва не вызывала страха и неприятия. Военное поколение “консервативной революции”, ярким представителем которого был Эрнст Юнгер, воплощало в себе единство консерватизма и модернизма.

Национализм Веймарской республики имел свою особенность. “Отец этого национализма – война”, – писал Э. Юнгер в предисловии к книге своего брата “Подъем национализма”. Значение влияния войны выражалось в том, что оно сформировало новое поколение, прошедшее фронт и пережившее в своем сердце войну. “Основа немецкого юношества испытала войну в реальности, а не сидя в кофейнях или за письменным столом в жарко натопленном кабинете. Они побывали в аду – а фаустовский человек даже из ада привык возвращаться не с пустыми руками. Барбюс и ему подобные могли увидеть там что угодно – но мы все же увидели в том пламени нечто большее! И вынесли оттуда не одно отрицание. Лишь увидев силу материи, мы поняли силу идеи” [4, IX – X]. Э. Юнгер противопоставлял национализм буржуазному миру, миру спокойствия, так как национализм может быть выражен в динамике, активности и решительности. Вышедший из окоп Первой мировой войны, он не может сосуществовать с расчетливым миром буржуазного государства. “Национализм <...> в целом является небуржуазным чувством, радикально отличаясь от патриотизма предвоенного времени, он динамичен, вспыльчив и полон витальной энергии наших больших городов, в которых он – и это еще одна типичная черта – переживает бурный рост в отличие от консервативного чувства жизни. В своей основе он не реакционен, а революционен” [3, с. 218].

Национализм в понимании Э. Юнгера был проявлением новой нравственности. Он ставил перед собой задачу вывести нацию “за пределы дискуссии”, освободив силу нации для дальнейших свершений. Фронтной солдат “понял, что его позиция лучше всего характеризуется словом национализм. Это слово выражает не отвращение к партиям или определенным группам людей, а отвращение ко всей эпохе, времени, которое нужно просто пережить и не растрчивать внутренние резервы, так как в нем невозможен прочный ценностный стержень” [5, с. 409 – 410]. Фридрих

Георг Юнгер указывал на динамичную внутреннюю энергию, которой обладает национализм. Он был проявлением жизни и не контролировался нравственными законами буржуазного мира. “Каждый национализм выступает как пьянящая, бурная, кровавая гордость, героическое, могущественное ощущение жизни. Он не владеет критической и аналитической склонностью, ослабляющей жизнь. Он не хочет толерантности, так как жизнь не знает ее. Он фанатичен, так как все кровное фанатично и несправедливо. В нем не лежат научно обоснованные ценности” [6, с. 28 – 29].

Особенность веймарского национализма Э. Юнгер видел в том, что он “отстаивает ценности жизни военными средствами”, и ему “глубоко наплевать, одобряются эти средства какой-то универсальной моралью или нет”, поэтому он “опирается на фронтовиков, настоящих, живых людей, преданных делу с радостью и любовью” [2, с. 213]. Новый национализм был выражением наступающей эпохи. “Новый национализм – это центральное движение нашего времени, к которому должна примкнуть любая организация, если она хочет действительно примкнуть к жизненным силам эпохи” [1, с. 285]. Консервативный национализм Э. Юнгера опирался на опыт военных переживаний и ценностей фронтовиков, которые должны были возглавить националистическое движение. Именно в человеке “военного поколения” соединялась идея и деятельность, решительность, готовность к поступку и изменению. Националист готов пожертвовать собой во имя идеи, так как этой идеей является Германия, и нет лучшей смерти, чем смерть за свое Отечество. Поэтому готовность к самопожертвованию переносится в область политической деятельности, экстраполируя на политику военные ценности. “Быть националистом на войне означает быть готовым умереть за Германию, сегодня это означает поднять знамя революции за счастливую и великую Германию” [2, с. 216].

Националистический аспект “консервативной революции” значительно отличается от национал-социалистического дискурса. Нацистский национализм был расистским. Он делал акцент на расовое противостояние, акцентируя внимание на биологической проблеме кровосмешения. Понятие “кровь” присутствует в сочинениях “консервативных революционеров” и национал-социалистов. Однако оно имеет разные коннотации. Если “консервативная революция” обращала внимание на дух крови, то нацизм указывал на биологию крови. А. Розенберг писал, что “кровь, которая умерла, начинает оживать. В её мистическом символе происходит новое построение клеток немецкой народной души. Современность и прошлое появляются внезапно в новом свете, а для будущего вытекает новая миссия. История и задача будущего больше не означают борьбу класса против класса, борьбу между церковными догмами и догмами, а означают борьбу между кровью и кровью, расой и расой, народом и народом. А это означает борьбу духовной ценности против духовной ценности” [8, с. 1 – 2]. Несмотря на схожесть заявлений о консолидации общества, следует учитывать то, что нацизм стремился к созданию однокровной немецкой народной общ-

ности, обращая внимание на расистский элемент в его антисемитском ключе. Для “консервативной революции” расистский подход никогда не имел должного звучания, а фёлькишеский антисемитизм нацизма не встречал понимания.

Национализм в Веймарской республике имел вариативность политического развития и общность по-

литического противостояния. Консервативная альтернатива национал-социализму с ее выраженной антипартийностью не смогла, подобно нацистам, использовать парламентскую систему для легального прихода к власти. Пути двух национализмов не смогли слиться воедино, сделав консервативный проект политически нереализованным.

Литература

1. Jünger E. Der neue Nationalismus // Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. Stuttgart, 2001. S. 285 – 291.
2. Jünger E. Die nationalistische Revolution // Jünger E. Politische Publizistik... S. 213 – 216.
3. Jünger E. Schliesst euch zusammen! // Jünger E. Politische Publizistik... S. 216 – 223.
4. Jünger E. Vorwort // Jünger F. G. Aufmarsch der Nationalismus, hrsg. v. E Jünger. Berlin, 1926. S. VII – XIII.
5. Jünger E. Zum Jahreswechsel // Jünger E. Politische Publizistik... S. 408 – 413.
6. Jünger F. G. Aufmarsch der Nationalismus, hrsg. v. E Jünger. Berlin, 192_. XX+69 s.
7. Moeller van den Bruck. Das dritte Reich. – 3. Auf., bearb. von Hans Schwarz. Hamburg; Berlin, 1931. 324 s.
8. Rosenberg A. Der Mythos des 20. Jahrhunderts. Eine Wertung seelisch-geistigen Gestaltenkampfe unserer Zeit. München, 1934. 712 s.

Информация об авторе:

Артамошин Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Брянского государственного университета, artamoshinsv@mail.ru.

Sergey V. Artamoshin – Doctor of History, Associate Professor, Professor at the Department of World History, Bryansk State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.